

Договор на двоих

Вера Грин

Договор на двоих

<https://litres.ru/74320822>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Лёгкий роман о дружбе, которая чуть не разбилась о гордость, ревность и один слишком драматичный вечер. Марк и Алина строили рубрику, а в итоге строили доверие — шаг за шагом, извинение за извинением.

Романтическая комедия без надрыва: с иронией, узнаваемыми ситуациями и верой в то, что даже если всё пошло не так, можно просто сесть рядом и сказать: Прости, я был не прав.

Идеально, если хочется чего-то светлого, с юмором и с надеждой на счастливый финал.»

Содержание

Глава 1. Не выглядеть так, будто только что проиграл дело	4
Глава 2. Тишина, в которой слышно, как меняется всё	13
Глава 4. Ритуал безупречности	20
Глава 5. Когда закон встречается с соседской обидой	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Договор на двоих

Глава 1. Не выглядеть так, будто только что проиграл дело

Коворкинг «Точка опоры» оправдывал своё название только тем, что в нём точно была опора — бетонная колонна, к которой все прислонялись, когда не знали, куда деть руки. В остальном это было царство компромиссов: один хочет тишины, другой включает референсы на полную, а кофемашина вообще жила по своим законам и выдавала эспрессо только тем, кто ей нравился.

Марк сидел у окна, смотрел на свой сайт в ноутбуке и чувствовал, как его профессиональная репутация медленно, но уверенно сползает вниз — прямо как очки, которые он то и дело поправлял. На экране застыла главная страница: серый фон, заголовок «Юридические услуги», фото, где он смотрел куда-то сквозь объектив с выражением человека, который знает, что мир несправедлив, и готов это доказать в суде.

Под фото — кнопка «Связаться». За последнюю неделю по ней кликнули четыре раза. Один клик был его мамой, второй — спам-ботом, третий — ошибкой, а четвёртый... четвёртый он до сих пор надеялся считать настоящим.

Он вздохнул и провёл пальцем по краю ноутбука, стирая

этим жестом и сайт, и последние полгода своей жизни.

«Ну серьёзно, — думал Марк, косясь на соседний бокс, откуда доносилось тихое щёлканье затвора. — Я окончил юрфак с красным дипломом. На защите диплома профессор сказал: “У вас аналитический ум и редкая способность видеть в норме не абстракцию, а судьбу человека”. А теперь я сижу в коворкинге, где половина резидентов даже не знает, чем отличается оферта от договора, и пытаюсь понять, почему никто не хочет нанять юриста, который выглядит так, будто готов подать иск на Вселенную».

Он снова посмотрел на фото. В нём было всё, что он хотел показать: серьёзность, компетентность, готовность к бою. Но, видимо, люди видели только усталость и лёгкое отчаяние.

Рядом, в соседнем боксе, щёлкала затвором Алина. Марк не знал, фотограф она или волшебница, но за неделю наблюдений понял главное: она могла сделать произведением искусства даже скомканный чек и тень от жалюзи. Сейчас она снимала чашку кофе словно это не напиток, а судьба человечества.

Он выдохнул, закрыл ноутбук и пошёл к ней.

— Привет, — сказал он, стараясь звучать уверенно, а не как человек, который пришёл просить о помощи. — Ты ведь фотограф?

Алина подняла взгляд, улыбнулась и тут же прищурилась, мысленно подбирая ракурс для фото.

— Ага. А ты юрист, который боится собственной фотографии.

Марк замер.

— Что?

— Ну, ты каждый раз, когда открываешь сайт, морщишься. Я думала, ты вирус поймал. А потом поняла: это ты на себя смотришь.

Он покраснел. Чуть-чуть. Ровно настолько, чтобы это можно было списать на освещение.

— У меня сайт... не работает.

— В смысле, не грузится?

— В смысле, люди его закрывают. Через три секунды.

Алина кивнула, как будто это была самая обычная жалоба.

— Понятно. Значит, надо сделать так, чтобы не закрывали.

— Мне нужна фотосессия. Для сайта. Чтобы я... ну... не выглядел словно собираюсь отсудить у клиента последнюю ложку супа.

Она рассмеялась, и этот смех почему-то сразу снял половину его напряжения.

— Это можно. Но у меня правило: никакого позирования у книжной полки.

— Но книги — это же про профессионализм!

— Книги есть у всех. Ты хочешь отличаться? Покажи, как ты работаешь. Как пьёшь кофе. Как злишься на несправедливость.

Марк поёжился.

— Злиться на несправедливость — это моя работа. Но показывать это — нет.

— Тогда покажи, как ты её исправляешь.

Они помолчали. Где-то в углу кофемашина издала торжествующий звук, поставив точку в их споре.

В голове у Марка пронеслось: «Я столько лет зубрил статьи, разбирал судебную практику, писал работы про баланс интересов, а теперь стою тут и пытаюсь объяснить, что не хочу выглядеть злым на фото. И самое обидное — я ведь не злой. Я просто... загнанный в угол».

— Ладно, — сказал Марк. — Давай попробуем. Но... у меня есть условие.

Алина закатила глаза, но без злости — скорее, как человек, который привык к таким условиям.

— Конечно. Договор.

— Именно, — он вытащил лист бумаги. — Я всё прописал.

Она взяла распечатку и начала читать вслух:

— «Пункт 1: запрет на использование образа в мемах. Пункт 2: я должен выглядеть компетентным. Пункт 3: если на фото я буду выглядеть проигравшим дело, — не выкладывай». Марк, это серьёзно?

— Абсолютно.

— А если ты случайно выглянешь именно так?

— Значит, кадр не годится.

Она смотрела на него ещё секунду, потом снова рассмеялась.

— Знаешь, ты первый клиент, который пишет договор на фотосессию. Обычно просят «чтобы было красиво».

— Я юрист. У меня всё через договор.

— Принято. — Она взяла ручку и поставила подпись внизу страницы. — Но у меня тоже есть условие.

— Какое?

— Ты не позируешь. Вообще. Если я скажу «посмотри в окно», ты не делаешь вид, что ты герой драмы. Ты просто смотришь в окно. Тебе правда интересно, что там происходит.

Марк задумался. В его голове снова промелькнули слова профессора: «Видеть в норме не абстракцию, а судьбу». Может, в этом и была проблема? Он всё время пытался выглядеть как «идеальный юрист» — абстрактный, безупречный, отстранённый. А людям, наверное, нужна была не абстракция, а человек.

— То есть никаких «я знаю все статьи ГК наизусть»?

— Никаких.

— Ладно. Я попробую.

— Отлично. Тогда начнём с самого простого. Покажи мне, как ты обычно работаешь. Без позы.

Марк сел за свой стол, открыл ноутбук, нахмурился на экран — и в этот момент Алина щёлкнула. Он даже не успел принять «профессиональное» выражение лица.

— Эй, я не был готов!

— Зато ты был настоящий, — сказала она, глядя на экран камеры. — И знаешь, что? Вот этот взгляд, когда ты только что прочитал какой-то особенно несправедливый договор — он работает. В нём есть сила.

Марк не знал, что на это ответить. Он привык, что сила — это когда ты не показываешь эмоций. А тут оказалось, что сила может быть и в том, чтобы их не прятать.

— Посмотрим, — буркнул он. — Главное, чтобы в этом не было пункта про мемы.

Съёмка шла уже двадцать минут, а Марк чувствовал себя словно его допрашивают. Причём без протокола.

— Расслабь плечи, — сказала Алина, склонившись над камерой. — Ты выглядишь так, словно составляешь встречный иск к этому стулу.

Марк послушно опустил плечи, но тут же снова их поднял.

— Прости. У меня рефлекс. Если плечи опущены, значит, я сдался.

Алина тихо фыркнула, но не зло, ей это даже понравилось.

— Ладно. Тогда давай так: ты не сдался, ты... анализируешь ситуацию. Просто делай то, что обычно. Открой почту. Посмотри, что там.

Он открыл почту. В списке писем было: «Счёт за коворкинг», «Напоминание: продление домена», «Вебинар: как продвигать юридические услуги» (он уже смотрел этот вебинар три раза и всё равно ничего не понимал), и одно новое:

«Запрос консультации».

Сердце ёкнуло. Настоящее. Не мама, не бот, не ошибка.

— Что-то интересное? — спросила Алина.

— Да, — пробормотал он, не отрываясь от экрана. — Запрос на консультацию.

Она тут же опустила камеру.

— Тогда не мешаю. Ответь.

И вот тут случилось самое странное: пока он печатал, Алина снова начала снимать. Не его лицо, а руки, которые быстро стучали по клавиатуре, экран, где бежали буквы, тень от лампы на столе. Марк краем глаза заметил вспышку и замер.

— Ты что делаешь?

— Ловлю момент, — спокойно сказала она. — Ты сейчас не «юрист на фото». Ты человек, который реально помогает. Смотри: ты читаешь запрос, ты думаешь, ты отвечаешь. Это и есть твоя работа.

Он хотел возразить, но поймал себя на том, что ему... приятно. Не из-за камеры, а из-за того, как она это сказала: «ты реально помогаешь». Она вернула ему смысл, который он уже начал терять.

— Ладно, — буркнул он. — Но, если выйдет плохо, ты удаляешь.

— Договорились.

Следующие полчаса она заставляла его делать обычные вещи: налить кофе, открыть папку с делами, прочитывать пару

страниц договора и поморщиться (а морщиться ему приходилось часто). Каждый раз, когда он пытался «выглядеть солидно», Алина останавливала:

— Не надо солидности. Мне нужно, чтобы было видно, что ты вникаешь. Что тебе не всё равно.

В какой-то момент он разозлился по-настоящему.

— Слушай, я столько лет учился, чтобы теперь мне говорили: «просто будь собой». А «собой» я сейчас выгляжу как человек, у которого дедлайн горит, кофе остыл, а клиент пишет: «А можно бесплатно проконсультироваться?»

Алина не стала спорить. Она просто подошла, взяла со стола его ручку, покрутила её в пальцах и положила обратно.

— Знаешь, в чём разница? Когда ты «солидный», ты для клиента — машина по выдаче статей. А когда ты вот такой, уставший, но отвечающий на дурацкий вопрос, ты для него — человек, который не пошлёт. И именно к человеку идут.

Марк посмотрел на неё и впервые не стал искать в этих словах подвох.

— Звучит слишком просто.

— А самое рабочее всегда звучит просто.

Вечером: первые результаты.

Алина скинула ему десять кадров. Марк открыл их и замер. На одном он хмурился на экран — но не злобно, а так, будто пытался разгадать головоломку. На другом — держал ручку и смотрел куда-то в сторону, а в голове уже выстраивал логику иска. На третьем — улыбнулся чему-то в письме

(это было, когда он дописал ответ и стало ясно, что вроде бы всё разложил по полочкам).

Он открыл свой сайт, заменил старое фото на новое — то, где он хмурится на экран. И добавил в раздел «О себе» пару живых кадров: с ручкой, с чашкой, с папкой. Подписал просто: «Работаю с документами, а не против людей».

Через два часа пришло уведомление: «Новый запрос на консультацию». Потом ещё один. Потом ещё.

А потом в личку прилетело сообщение от Алины:

«Ну как? Не выгляжу как мем?»

«Нет, — напечатал он и на секунду задумался. — Выгляжу... словно я правда могу помочь».

«Вот это и было целью», — ответила она смайликом.

Марк откинулся на спинку стула и впервые за долгое время почувствовал, что почва под ногами есть. Не потому, что он всё сделал идеально, а потому что его увидели. И этого оказалось достаточно.

Глава 2. Тишина, в которой слышно, как меняется всё

Марк сидел на диване, и тишина в квартире казалась ему теперь не уютной, а слишком громкой. Она специально подталкивала к мыслям, от которых он весь день старательно уворачивался.

Он снова открыл ноутбук, но уже не ради статистики. На этот раз он открыл папку с делами — ту самую, где хранились черновики исков, шаблоны договоров, выписки из кодексов. Всё было рассортировано по папкам, подписано, пронумеровано. Идеальная система. Только вот пользы от неё было ровно столько же, сколько от безупречно отутюженного костюма, если ты стоишь посреди пустого зала суда.

«Я всё делаю правильно», — снова повторил он про себя, как заклинание, которое уже перестало помогать. — «Я проверяю каждую запятую. Я не пропускаю ни одной детали. Я не даю пустых обещаний. Тогда почему я сижу тут, а не в кабинете, где на двери табличка с моим именем?»

Он встал, прошёлся по комнате, остановился у книжной полки. Там стояли учебники, комментарии к кодексам, пара томов судебной практики — всё, что он собирал годами. И рядом, немного выбиваясь из ряда, стояла фотография: он в мантии на вручении диплома, рядом — профессор, тот

самый, что говорил про «судьбы людей». Марк тогда стоял прямо, смотрел в камеру, он уже знал, как перевернёт мир права. Сейчас он смотрел на этого парня и почти не узнавал его. Тот Марк верил, что достаточно знать закон, чтобы быть нужным. А нынешний Марк знал, что этого мало.

Он взял с полки одну из книг, провёл пальцем по корешку, потом поставил обратно — ровно, чтобы не нарушить линию. Эта привычка — всё выравнивать, всё упорядочивать — была его способом держать мир под контролем. Но сейчас она казалась ему не силой, а клеткой.

Марк вернулся к ноутбуку, открыл галерею с фотосессии. Он начал листать кадры медленно, почти осторожно, он боялся, что, если будет смотреть слишком быстро, магия исчезнет.

На одном фото он хмурился, глядя на экран. В этом взгляде действительно была не злость, а сосредоточенность. На другом — он держал ручку, и пальцы чуть сжимали её, как будто пытались удержать саму суть проблемы. А вот тот кадр, где он улыбнулся чему-то в письме... Он даже не помнил, чему именно. Наверное, просто понял, что наконец-то нашёл нужную формулировку. И в этой улыбке не было пафоса, не было попытки казаться «успешным юристом». В ней было облегчение. То самое, которое чувствуешь, когда распутываешь сложный узел.

Алина умела ловить эти секунды. Секунды, когда броня сползала, и оставался просто человек. Человек, который

устал, который хочет помочь, который иногда не знает, что делать, но всё равно пытается.

«Может, в этом и есть профессионализм?» — подумал Марк. — «Не в том, чтобы никогда не уставать. А в том, чтобы устать — и всё равно сделать. И не бояться, что кто-то увидит эту усталость».

Он открыл сайт, снова посмотрел на старое фото. Теперь оно казалось ему не просто «холодным» — оно казалось чужим. Это был не он, а какой-то собирательный образ «строгого юриста», который он сам себе придумал, потому что думал, что именно так и должны выглядеть люди, которым можно доверять.

А потом он посмотрел на новое фото — то, где хмурится на экран, — и вдруг почувствовал странное облегчение. Он наконец-то перестал притворяться.

Телефон тихо пискнул. Сообщение от Алины:

«Ну что, герой, как сайт? Не превратился в мем?»

Марк улыбнулся. Не той дежурной улыбкой, которой он отвечал клиентам в чате, а настоящей — когда уголки губ поднимаются сами, без приказа.

Он напечатал:

«Нет. Зато стал похож на меня. Спасибо».

И, прежде чем успел передумать, отправил.

Потом он снова посмотрел на статистику. И вдруг увидел то, чего не замечал раньше: за последние два часа было три новых запроса на консультацию. Три. Не мама, не бот, не

ошибка. Реальные люди.

Сердце ёкнуло, а потом забилося чуть быстрее. Он открыл запросы, быстро пробежал глазами: обычные дела, ничего грандиозного. Но именно в этой обыденности и была победа. Кто-то посмотрел на его фото, прочитал строчку «Работаю с документами, а не против людей» — и решил: «Этот человек меня поймёт».

Марк откинулся на диване, закрыл глаза и глубоко выдохнул. Впервые за долгое время он не чувствовал, что провалился. Он просто... начинал.

Глава 3. Как он выглядит, когда никто не смотрит

Марку двадцать восемь. Не тот возраст, когда всё впереди и можно позволить себе ошибаться, и не тот, когда уже всё устроено и можно просто работать. Возраст, когда кажется, что время начинает идти быстрее, а ты всё ещё не там, где должен быть.

Он был чуть выше среднего — примерно 182 сантиметра, — и в костюме это выглядело внушительно: широкие плечи, прямая спина, собранность в осанке. Но стоило ему снять пиджак, и внушительность рассыпалась на обычные человеческие детали. Плечи, которые он весь день держал приподнятыми, защищаясь от невидимых претензий, наконец опустились. Появлялась лёгкая сутулость — не от слабости, а от привычки часами сидеть над документами, склонившись к экрану.

У него были тёмно-русые волосы, подстриженные коротко

по бокам и чуть длиннее сверху — так, чтобы утром хватило пары взмахов расчёской, и казалось, что он готов к суду. К полудню эта укладка сдавала позиции: он то и дело запуская пальцы в волосы, когда пытался распутать особенно упрямый пункт договора, и пряди падали на лоб. Он не замечал этого, но Алина заметила сразу: «Ты так делаешь, когда тебе по-настоящему сложно. Словно пытаешься вытащить решение прямо из головы».

Лицо у него было не из тех, что запоминаются с первого взгляда. Никаких резких скул или тяжёлого подбородка — обычное, открытое лицо, на котором эмоции читались слишком честно. Когда он злился, между бровями появлялась глубокая складка. Когда уставал — веки чуть опускались, а взгляд становился рассеянным, он смотрел не на экран, а сквозь него. А когда у него наконец получалось найти нужную формулировку, он на секунду улыбался — не широко, а так, что уголок рта едва приподнимался. В этом не было самодовольства, только тихое облегчение: «Ну вот, теперь правильно».

Очки в тонкой металлической оправе давно стали частью его образа. Он надевал их не ради стиля, а потому что без них мелкий шрифт в договорах сливался в серую кашу. Они постоянно сползали на нос, и у него выработался характерный жест: быстрым, почти нервным движением он возвращал их на место. Алина однажды сказала, что этот жест у неё получился на трёх кадрах подряд и каждый раз выглядел по-

разному: один раз как «я держу ситуацию», второй — как «я сейчас взорвусь», третий — как «пожалуйста, пусть это окажется опечаткой».

Руки у него были рабочие, не модельные: пальцы чуть загрубевшие, ногти коротко подстрижены, на среднем пальце правой руки — лёгкая мозоль от любимой ручки. Он этого не замечал, но она была там годами: столько страниц, столько договоров, столько слов, которые нужно было зафиксировать так, чтобы ни одна буква не предала смысл.

В одежде он держался своего строгого канона: рубашки, пиджаки, брюки со стрелками. Даже в коворкинге, где все ходили в худи, он не позволял себе расслабляться. Но в этой строгости не было пафоса — скорее, она была его бронёй. Пиджак был уже не новым: на локтях чуть протёрся подклад, а на плече иногда оставалась ворсинка от кресла. Марк её стряхивал, хмурился и поправлял лацкан, словно этим жестом мог вернуть себе статус «юриста, к которому идут».

Дома, когда он наконец снимал костюм, он надевал простую тёмно-серую футболку и джинсы. И в этом тоже была своя система: одежда должна быть удобной, но не слишком. Если надеть что-то слишком мягкое, можно и вовсе перестать чувствовать себя профессионалом. Поэтому даже дома он оставался чуть собранным — будто в любой момент мог снова надеть пиджак и выйти на работу.

Сегодня он снял костюм и повесил его ровно на вешалку, чтобы не было складок. Потом сел на диван, снял очки и на-

конец-то позволил себе выдохнуть. Глаза сразу почувствовали облегчение, а лицо стало на несколько лет моложе — без этой вечной собранности, без попытки держать под контролем весь мир.

И именно в этот момент до него дошло: на тех фотографиях, что сделала Алина, он был таким же. Не идеальным, не безупречным, а просто настоящим. На одном кадре у него сползли очки, на другом он хмурился, на третьем едва заметно улыбался чему-то в письме. И в этих деталях не было слабости. В них была правда. Марк провёл ладонью по лицу, стирая с себя остатки напряжения дня, и снова посмотрел на экран ноутбука. Три новых запроса. Три человека, которые увидели его фото и решили: «Этот меня поймёт».

Он потянулся за своей ручкой, привычно покрутил её в пальцах, пока не почувствовал, что готов, и открыл первый запрос.

«Здравствуйте, — начал он печатать, и впервые не стал подбирать «правильные» слова. — Вижу вашу ситуацию. Давайте разберёмся вместе. Расскажите подробнее, что уже сделали и чего боитесь больше всего. Я здесь, чтобы помочь».

Он перечитал фразу. Не идеально. Не по всем канонам деловой переписки. Но честно. И этого оказалось достаточно.

Глава 4. Ритуал безупречности

Утро у Марка начиналось не с кофе и не с новостей — оно начиналось с порядка. Ровно в 7:00 будильник тихо вибрировал на тумбочке, и Марк тут же тянулся к нему, боясь лишним звуком нарушить хрупкое равновесие дня.

Он сел на кровати, опустил ноги на пол — и первым делом проверил, ровно ли стоят тапочки. Не потому, что кто-то увидит, а потому, что если тапочки стоят криво, значит, и день пойдёт наперекосяк. Это была его маленькая, почти смешная привычка, о которой он никому не рассказывал.

В ванной он действовал по чёткой последовательности: умыться тёплой водой, нанести крем (тот самый, с лёгкой отдушкой, который ему когда-то подарила мама и который он до сих пор покупал, потому что «работает»), причесаться. Расчёска всегда лежала зубцами вверх — так она не собирала пыль.

Рубашку он выбирал ещё со вечера: белую или светло-голубую, обязательно с плотным переплетением ткани — чтобы не просвечивало, не мялось и выглядело «солидно». Сегодня была голубая. Он аккуратно расправил её на вешалке, провёл ладонью по рукаву, проверяя, нет ли складок. Потом достал брюки со стрелками — идеально отутюженные, он гладил их сам, потому что в химчистке стрелки всегда получались чуть не такими.

Пиджак — тот самый, чуть поношенный, но всё ещё строгий. Марк провёл ладонью по лацкану, стёр невидимую ворсинку, проверил, ровно ли лежит шов. Всё должно быть на своих местах.

Галстук он завязывал перед зеркалом, медленно и внимательно. Узел должен быть симметричным, не слишком тугим, но и не расслабленным. «Юрист не может выглядеть так, будто забыл завязать галстук», — говорил он себе, хотя в зеркале видел только свои уставшие глаза.

Очки он надевал в последнюю очередь. Привычным движением проверил, чтобы дужки сидели ровно. И тут же поймал себя на том, что уже хочет их поправить — этот рефлекс был сильнее его: стоит надеть, и через десять секунд рука сама тянется к переносице. Он усмехнулся про себя: «Хоть бы сегодня не поправлять каждые пять минут».

Парфюм — тонкий, сдержанный, без тяжёлых нот. Древесный, с намёком на цитрус. Марк брызгал ровно два раза: один — за ухо, второй — на воротник рубашки. Не для того, чтобы пахнуть, а чтобы чувствовать: «Я собран. Я готов». Этот запах стал для него якорем: как только он его ощущал, внутри щёлкал какой-то переключатель, и начинался «рабочий режим».

Завтрак был таким же предсказуемым, как и весь ритуал: чашка чёрного кофе без сахара, тост с тонким слоем сливочного масла. Никаких спешек, никаких бутербродов на ходу. Марк садился за стол, ставил чашку ровно по центру под-

ставки, делал первый глоток — и на несколько секунд позволял себе просто выдохнуть. Но даже это спокойствие было упорядоченным: ровно три глотка, потом салфетка аккуратно кладётся рядом, и можно собираться дальше.

Ключи, кошелёк, любимая ручка — всё складывалось в портфель в одном и том же порядке: ручка сверху, чтобы сразу достать, если понадобится. Телефон — в левый карман, ключи — в правый. Никаких лишних вещей. Никаких сюрпризов.

И только когда он уже стоял у двери, готовый выйти, он на секунду задерживался. Смотрел на себя в зеркало в прихожей. Видел этот строгий костюм, этот собранный взгляд, эти чуть сползающие очки. И в голове мелькала мысль: «А вдруг сегодня всё получится? Вдруг кто-то посмотрит на это фото, на этот сайт, и скажет: “Да, этому человеку я могу довериться”».

Он поправил лацкан, выдохнул, сбрасывая с себя лишнюю тревогу, и вышел из квартиры. Дверь захлопнулась с привычным щелчком, и этот звук означал: день начался.

По дороге в коворкинг он шёл размеренно, не торопясь, но и не замедляясь. В метро он не доставал телефон, чтобы листать ленту, — он слушал подкаст про изменения в законодательстве. Это тоже было частью ритуала: даже по дороге он должен был быть «в теме», быть готовым к любому вопросу.

Когда он вошёл в «Точку опоры», Алина уже была на ме-

сте. Она подняла взгляд от камеры, улыбнулась и тут же прищурилась, мысленно подбирала ракурс.

— Опять выглядишь так, будто собираешься выиграть дело ещё до того, как оно начнётся, — сказала она.

Марк невольно коснулся галстука, проверяя, на месте ли он.

— Я просто... стараюсь выглядеть профессионально.

Алина хмыкнула, но без насмешки — скорее с интересом.

— Знаешь, я вчера пересматривала кадры. И поняла одну штуку: ты выглядишь профессионально даже тогда, когда просто идёшь по коридору. Не из-за костюма. А из-за того, как ты держишь спину. Словно знаешь, что на тебе ответственность.

Марк чуть покраснел, но на этот раз не от смущения, а от странного, непривычного тепла.

— Спасибо, — пробормотал он. — Я... старался.

— Не надо стараться, — мягко сказала она. — Просто будь. А костюм оставь. Он тебе идёт. Особенно когда на локтях чуть протёрся — это значит, что ты не просто носишь его для фото. Ты в нём работаешь.

Марк улыбнулся. Впервые за долгое время улыбка получилась не натянутой, а настоящей.

— Ладно, — сказал он. — Сегодня попробую не поправлять очки каждые пять минут.

— Договорились, — подмигнула Алина. — А я постараюсь не щёлкать в этот момент.

Глава 5. Когда закон встречается с соседской обидой

Коворкинг «Точка опоры» в десять утра был уже в полном разгаре: кто-то яростно стучал по клавиатуре, кто-то шептал в гарнитуру, боясь, что слова улетят, а кофемашина наконец-то смилостивилась и выдала порцию эспresso без прелюдий.

Марк сидел за своим столом, перед ним лежали три распечатанных запроса на консультацию — первые настоящие, не от мамы и не от бота. Он как раз собирался открыть первый, когда дверь скрипнула, и в проёме появилась фигура, которая никак не вписывалась в этот мир ноутбуков, дедлайнов и юридических терминов.

Это была бабушка лет семидесяти, в аккуратном пальто, с клетчатой сумкой и таким взглядом, словно она пришла не в коворкинг, а в приёмную самого главного начальника. А рядом с ней стоял парень лет двадцати пяти, явно её внук: он нервно оглядывался, боялся, что кто-то сейчас скажет: «Сюда нельзя с родственниками».

— Здравствуйте, — сказал внук, стараясь звучать уверенно. — Мы к юристу. К Марку Сергеевичу.

Марк на секунду замер. «Марк Сергеевич» звучало так солидно, что он почти не узнал себя.

— Да, это я, — он встал, чуть поправил пиджак, который и так сидел ровно, и кивнул на стулья. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Бабушка села с достоинством, сумку поставила на колени, крепко придерживав обеими руками. Внук остался стоять рядом, будто готовый в любой момент подхватить её, если что-то пойдёт не так.

— Тут такое дело... — начал внук, но бабушка его перебила, не грубо, а так, как умеют только бабушки: твёрдо, но с заботой.

— Не надо за меня говорить. Я сама.

Она повернулась к Марку, посмотрела прямо, без страха, и сказала:

— Соседка меня обозвала. И я хочу её наказать. Через суд.

Марк внутренне сжался. Он столько лет учился разбирать сложные договоры, анализировать судебную практику, искать лазейки в законах, чтобы теперь сидеть и обсуждать ссору двух соседок. В голове пронеслось: «Не ради этого я зубрил статьи. Не ради этого писал диплом про баланс интересов».

Но он глубоко вдохнул, постарался не выдать своего смущения и мягко спросил:

— Простите, а что именно она сказала?

— Сказала, что я скандалистка. Прямо в лицо. На лестничной клетке. При всех.

Марк сглотнул. Он знал, что формально тут можно рас-

суждать про защиту чести и достоинства, про компенсацию морального вреда, про доказательства... Но в сухом юридическом языке эта обида бабушки звучала бы как-то бесчеловечно. А обида была настоящей.

— И вы хотите подать в суд именно из-за этих слов? — уточнил он.

— Хочу, чтобы она поняла, что так нельзя, — твёрдо сказала бабушка. — Чтобы ей стыдно стало.

Внук наконец сел, положил руку ей на плечо.

— Бабушка, мы просто хотели узнать, можно ли вообще что-то сделать. Может, есть какой-то способ... ну, чтобы она извинилась.

Марк посмотрел на них и его осенило — перед ним не «дело», а люди. И им не нужен сухой юридический анализ. Им нужно, чтобы кто-то их услышал и сказал: «Ваша обида важна».

Он чуть наклонился вперёд, сложил руки на столе — не как строгий юрист, а как человек, который готов выслушать.

— Знаете, — сказал он, подбирая слова, — суд — это не всегда лучший способ добиться извинений. Иногда он только сильнее разжигает конфликт. Но я понимаю, как вам обидно. И это правда несправедливо, когда на вас нападают словами.

Бабушка прищурилась, проверяя, не издевается ли он.

— То есть ты хочешь сказать, что суд не поможет?

— Суд может помочь, если есть серьёзные последствия.

Но если цель — чтобы соседка извинилась, то чаще всего это решается не через иск, а через разговор. Или через участкового, если есть угрозы.

— А если она опять назовёт меня скандалисткой?

— Тогда это уже можно зафиксировать. Записать на диктофон, позвать свидетелей, написать заявление. Но сначала... может, стоит просто поговорить? Или хотя бы не оставаться с этой обидой один на один.

Бабушка помолчала, потом кивнула, будто приняла его слова не как отказ, а как совет.

— Ладно. Пусть будет участковый. На всякий случай.

— Я помогу вам составить заявление, — сказал Марк. — Всё по форме, чтобы его точно приняли. И если соседка снова что-то скажет — вы будете готовы.

Внук выдохнул — с него сняли тяжёлый груз.

— Спасибо. Правда. Мы просто не знали, куда идти.

Марк разложил на столе чистые листы, ручку, блокнот. Бабушка сидела напротив, прямая, собранная, она готовилась не к составлению заявления, а к очной ставке. Внук стоял чуть позади, заглядывал через её плечо и время от времени шептал: «Ба, не волнуйся».

— Сначала самое главное, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без суеты. — Нам нужно зафиксировать факты. Не эмоции, а именно факты: дата, время, место, кто присутствовал. И точные слова, если помните.

Бабушка кивнула, сжала пальцы на ручке сумки.

— Двадцать третье, в половине шестого. Я выходила из лифта, она стояла у своей двери. И сказала: «Опять ты тут, скандалистка».

Марк записал чётко, разборчиво. Он специально не использовал юридический жаргон — не хотел, чтобы бабушка почувствовала, что её обиду переводят на какой-то чужой язык.

— Хорошо. А кто-нибудь ещё это слышал?

— Тётя Валя из третьей квартиры. Она как раз дверь открывала.

Он записал и это. Потом поднял взгляд, чуть наклонился вперёд:

— И ещё один момент. Это важно не для суда, а для вас: как вы себя почувствовали, когда это услышали?

Бабушка на секунду опустила глаза, потом снова посмотрела на него твёрдо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.